

**Кибервербовка в радикальные группировки как вызов для молодёжи
Центральной Азии: роль социальных сетей и мессенджеров.**

Научный руководитель – Ширинянц Александр Андреевич

Холов Суруш Холович

Аспирант

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Факультет гуманитарных и социальных наук, Москва, Россия

E-mail: kholov102s@mail.ru

Центральная Азия (ЦА) входит в тройку мировых регионов по числу иностранных террористических боевиков (ИТБ) на душу населения. По совокупным экспертным оценкам, с 2013 г. от 4 000 до 6 000 граждан пяти государств региона выехали в зоны вооружённых конфликтов в Сирии, Ираке и Афганистане[1]. Территориальный разгром «Исламского государства» (ИГ) не ликвидировал угрозу, а перевёл её в цифровое пространство: мессенджеры и социальные сети заместили прямые вербовочные контакты и стали основным каналом рекрутинга[2]. Теракт в «Крокус Сити Холле» в марте 2024 г. (свыше 145 погибших), организованный через Telegram, продемонстрировал, что онлайн-радикализация трудовых мигрантов из ЦА несёт в себе угрозу глобального масштаба[3].

Цифровая среда региона как фактор уязвимости. Стремительная цифровизация ЦА создала инфраструктурные условия для массовой онлайн-вербовки. К 2025 г. уровень интернет-проникновения достиг 89–93% в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане, при более низком, но растущем показателе в Таджикистане — около 57%[4]. Telegram занял доминирующее положение в медиапотреблении молодёжи: в Узбекистане платформой пользуются порядка 76% интернет-аудитории (около 27 млн чел.), а совокупные ежедневные просмотры каналов составляют 1,3 млрд[5]. Исследование Ф. Ирназарова по результатам опроса 468 молодых респондентов из государств ЦА показало, что телевидение уступило социальным сетям роль основного источника новостей, однако лишь половина молодых пользователей систематически проверяет достоверность потребляемого контента[6]. Данный разрыв между объёмом информационного потока и способностью аудитории к его оценке открывает пространство для целенаправленного манипулирования.

Уязвимость молодёжи ЦА обусловлена сочетанием нескольких взаимоусиливающих факторов. Высокий уровень молодёжной безработицы (в Таджикистане — до 27%, в Узбекистане — 15–17% при том, что свыше 60% населения моложе 30 лет) порождает экономическую фрустрацию[1]. Советская атеистическая политика создала разрыв в передаче религиозных знаний между поколениями, который заполнился неконтролируемым контентом из зарубежных источников[2]. Трудовая миграция в Россию — до 10,5 млн чел. из стран ЦА — формирует социально изолированные группы, где ощущение отчуждённости и несправедливости делает мигрантов восприимчивыми к экстремистским нарративам[3]. При этом, как показывают данные ряда исследований, радикализация граждан ЦА преимущественно происходит не на родине, а в условиях миграции — обстоятельство, существенно ограничивающее эффективность национальных программ противодействия.

Процесс кибервербовки выстраивается по воронкообразной модели, описанной Дж.М. Бергером: первичный интерес формируется через доступный контент в открытых социальных сетях, далее устанавливается контакт с вербовщиками, которые терпеливо выстраивают доверительные отношения, после чего коммуникация переносится на зашифрованные платформы, где происходит индивидуализированное идеологическое воздействие[4].

Н. Стокхаммер охарактеризовал современную двухплатформенную архитектуру рекрутинга, в которой TikTok выступает «эмоциональным инкубатором и идеологическими воротами», а Telegram — «операционным пространством» для завершения вербовочного цикла[5]. Данный механизм усиливается алгоритмами рекомендательных систем: эмпирические данные свидетельствуют о том, что алгоритмы TikTok способны систематически направлять пользователей к радикализирующему контенту, а аналогичные закономерности ранее были выявлены в отношении YouTube.

Особую роль в экосистеме кибервербовки играет ИГ-Хорасан (Islamic State — Khorasan Province, ISKP) — единственное территориальное подразделение ИГ, целенаправленно производящее пропаганду на узбекском и таджикском языках. Через медиафонд «Аль-Азаим» (Al-Azaim Foundation, осн. в 2022 г.) ISKP развернул таджикское, узбекское и русскоязычное медиакрылья, распространяющие контент через Telegram, RocketChat, Threema и Element[6]. Языковой таргетинг даёт группировке существенное преимущество: материалы на родных языках центральноазиатской аудитории преодолевают барьер, который десятилетиями ограничивал эффективность арабоязычной пропаганды.

Автоматизация играет в этом процессе возрастающую роль. Анализ Д. Холбрука, охвативший более 1,2 млн единиц данных, позволил установить, что боты в Telegram-экосистеме ИГ выполняют три ключевые функции: публикацию контента, модерацию и контроль доступа[7].

При всём разнообразии инструментов противодействия радикализации их эффективность остаётся дискуссионной. Программы реабилитации (Казахстан, Узбекистан) демонстрируют высокие заявленные показатели отказа от радикальных убеждений, однако независимая верификация затруднена. Силовые меры по блокировке контента (РАТС ШОС, ОДКБ), будучи масштабными по охвату, не устраняют причин радикализации и в ряде случаев вступают в противоречие с правами человека.

Таким образом, кибервербовка молодёжи ЦА представляет собой комплексное явление, в котором технологические возможности цифровых платформ (алгоритмическая радикализация, сквозное шифрование, автоматизация через ботов) накладываются на социально-экономическую уязвимость, миграционную изоляцию и дефицит медиаграмотности. Текущий период следует рассматривать не столько как новую волну массового рекрутинга, сколько как проявление «длинного хвоста» ИГ, в котором цифровая инфраструктура компенсирует утрату территориального контроля. Системное противодействие этому вызову требует согласованных усилий на нескольких уровнях: развитие медиаграмотности молодёжи, реформирование религиозного образования, координация международных организаций (ООН, ОБСЕ, ШОС, ОДКБ), а также выработка подходов, учитывающих, что ключевой точкой радикализации для граждан ЦА всё чаще становится не территория их государств, а цифровое пространство и условия миграции.

Источники и литература

- 1) Зинин Ю. Н. Теракт в «Крокус Сити Холле»: восприятия и отклики на Ближнем Востоке //Россия и мусульманский мир. – 2024. – №. 2 (332). – С. 9-17.
- 2) Чикризова О. С., Шумакова А. А. Влияние кризиса исламского образования на процесс радикализации Центральной Азии //Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3. – №. 4. – С. 290-296.
- 3) Alrhoun A., Winter C., Kertész J. Automating terror: The role and impact of telegram bots in the Islamic State's online ecosystem // Terrorism and political violence. – 2024. – Т. 36. – №. 4. – P. 409-424.
- 4) Berger J. M. Tailored online interventions: The islamic state's recruitment strategy //CTC Sentinel. – 2015. – Т. 8. – №. 10. – P. 19-23.

- 5) Capannelli G., Kanbur R. Good jobs for inclusive growth in Central Asia and the south Caucasus: Regional report. – Asian Development Bank, 2019. P. 45-48.
- 6) Elshimi M. S. Understanding the factors contributing to radicalisation among Central Asian labour migrants in Russia. – Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, 2018. 13 p.
- 7) ISKP Media Ecosystem Report // Tech Against Terrorism. URL: https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2025/09/CTC-SENTINEL-092025_article-3.pdf (дата обращения: 13.02.2026).
- 8) Kolosovskiy Y. The Collective Security Treaty Organization and Counterterrorism in Central Asia: Assessing Russia's Role in Regional Security // BRIQ Belt & Road Initiative Quarterly. – 2025. – Т. 6. – №. 4. – P. 383-408.
- 9) Lynch III T. F. The return of foreign fighters to Central Asia: Implications for US counterterrorism policy. No. 21. 2016. P. 6-8.
- 10) Stockhammer N. From TikTok to Terrorism? The Online Radicalization of European Lone Attackers since October 7, 2023 // CTC Sentinel. – 2025. – Т. 18. – №. 7. P. 23-39.
- 11) Strengthening Youth Resilience to Radicalization: Evidence from Tajikistan. // World Bank, 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/strengthening-youth-resilience-to-radicalization-evidence-from-tajikistan> (дата обращения: 13.02.2026).
- 12) Tucker N., Lemon E. A 'Hotbed' or a Slow, Painful Burn? Explaining Central Asia's Role in Global Terrorism // Combating Terrorism Center (CTC) Sentinel. – 2024. – Т. 17. – №. 7. – P. 20-25.
- 13) Why Is Telegram at the Center of Uzbekistan's Expanding Extremism Blacklist? // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2026/01/why-is-telegram-at-the-center-of-uzbekistans-expanding-extremism-blacklist/> (дата обращения: 13.02.2026).